

Игорь Тюльпанов «Художники и поэты». Картон, карандаш 52" x 108", 1984
Изображены (слева направо): Амур, Дмитрий Бобышев, Психея, Афанасий Фет,
Аполлон Майков, Андрей Белый, Игорь Тюльпанов, Олег Целков, Рембрандт, Иосиф
Бродский, Рембрандт.

Когда мы, ещё в Ленинграде 70-х, познакомились с Игорем Тюльпановым, он стал писать мой портрет. Твёрдый рисунок и сильные, яркие краски сделали своё дело: моя вполне заурядная, как мне самому казалось, внешность преобразилась. А впрочем, я тогда горел изнутри, сочиняя поэму «Стигматы», полную высоких устремлений, и к тому же был счастлив, залучив к себе некую несравненную особу, давнюю занозу в сердце. Тюльпанов это горение разглядел и сумел передать в красках. Портрет получился и, несмотря на фантастический наряд, в который меня облачил художник, оригинал был безошибочно узнаваем. Этот образ стал моим амулетом на счастье и паспортом в те временные дали, куда впоследствии я дошёл или, может быть, дойду ещё дальше. Во всяком случае, вскоре он украсил первую книгу моих стихов, вышедшую в Париже. Мы тогда хорошо подружились с Игорем, и я посвятил ему главу той самой поэмы, написал статью о его живописи, графике и акварелях, назвал её

«Грижды Тюльпанов» и опубликовал в парижском журнале «Континент», а ещё позже описал нашу дружбу в стихотворении с эмблематическим названием «Перо и кисть». Вот несколько строф оттуда.

Возьми щепоть от Бога и тогда—то
в честном овале, в черепном яйце
напечатлеешь, осолишь лице,
и крест на нём проступит брусковато,

как бы ни миловиден был раскрой.
Но – чуть – и троеперстие разъято.
Меж двух – уже зиянье (гиата):
отсыновлён от большего второй,

а среднему они опорой оба.
Орудие художества, пароль
ещё не выбрав: кисть или перо,
тому свершилась перьевая проба...

И чем иным бы выписалась кисть,
когда б не геральдически-особо
(и только ли, как водится, до гроба?)
они перекрестились и сошлись!

Он уже тогда писал большие полотна, полные загадочных красот, но меня особенно завораживали малые натюрморты, которых была целая серия. Была... И – сплыла в одночасье на пересадке в Вене, когда он отбывал в эмиграцию с прекрасной Еленой и трёхмесячным сыном Христиком. В похищенном чемодане, помимо альбомов тончайшей графики, находился (и пропал безвозвратно) живописный шедевр, который можно было назвать «Рука творца». Попробую его вспомнить. Откуда-то из-под воды высовывалась кисть руки, держащая тремя пальцами тонкую колонковую кисточку, выписывая ею окружающую флору с жемчужными каплями росы. Причём, драматизм такому радостному натюрморту придавал наливающийся кровью комарик на тыльной стороне ладони. Это троеперстие сильной мужской руки, изначально сложенное для крестного знамения, годилось не только для кисти художника, но и для пера поэта. Именно оттуда родилась эта эмблема – перо и кисть. И появились дальнейшие строфы.

Здесь дружная спружинила интрига,
и цветовой удар ввергает в криз:
по склону промуравленному вниз
упруго кувывркающийся тигр.
И пиршество среди густых куртин,

где неподвижно безуханны игры
тюльпанов огнецветных! Это – Игорь
Тюльпанов у распахнутых картин.

Предметов благодарственные очи
горят повсюду. Всё же он один
среди замыслов, слуга и господин,
слуга и господин своих отточий...

Один, – на сходе выверенных тайн, –
казнит и красит миг живой, проточный...
В подробностях древоточащей порчи
умильно просит каждая деталь

у кисти: Будь и в прочном быстротечной!
Выпавшая в лёт павлиньих стай,
стань пристальной, поди пересчитай
свинцовые зазубрины картечин.

В напластованья отрешённых глаз,
в с атласом перламутровые встречи
впиши отливы, тем хмельней и терпче,
что синева по золоту прошлась.

Не знаю, изображены ли где-либо на его многочисленных
полотнах тигры и павлины, – это образы из моих сновиденных
фантазий, и я их привёл здесь, чтобы показать яркость и изысканную
сложность колорита. Каждый из его образов, метафорически говоря,
либо павлин, либо тигр. Это не модный гламур, это глянец, передающий
омытую свежесть и новизну взгляда, изумление перед совершенной
формой неважно чего – существа или предмета.

Глянцевый мир ошибочно принимают за китч некоторые
недальновидные знатоки, зашоренные на пленэре. Нет, здесь другое...
Живопись Тюльпанова – это метафизический театр со своим
пространством и освещением, где отсутствует не только внешняя
атмосфера, но и время, где не действуют даже законы тяготения. Здесь
происходят чудеса, здесь царят волшебство и магия, несмотря на
кажущуюся неподвижность мизансцен. На самом деле там происходит
напряжённое действие – все персонажи, все характеры, все разнородные
лица, их костюмы и фигуры, но также и цветы, предметы и даже
пространственные объёмы бурно заняты взаимоотношениями друг с
другом. И что же? Любовно воссозданные, они начинают прекрасно
ладить между собой. Им делается очень хорошо вместе.

В необычных сопоставлениях запятан, как я догадываюсь,
золотой, а поэт и критик Вячеслав Завалишин считал, что не золотой, а
изумрудный ключик художественного метода Тюльпанова. Его имя,

само по себе говорящее, вызывает в воображении образ цветка – ярко красный венчик и свежая зелень листа и стебля. Эти цвета, хотя и контрастные, не конфликтуют между собой, они смирятся единой природой растения. Так и в искусстве: сопоставлять можно что угодно с чем угодно – либо по сходству, либо по контрасту. На этом принципе держатся, а можно даже сказать зиждятся многие искусства. В поэзии это троп, сравнение, метафора, создающие образное мышление. Это то, что в пересказе Ахматовой Мандельштам называл «знакомством слов». Он поделился с ней изобретённым им способом соединять слова, которые прежде никогда не соседствовали. Оказавшись в одной строчке, они, как люди, знакомятся, сходятся вместе и могут быть счастливы.

Подобным образом в картинах Тюльпанова соединяются не только разнородные предметы, но и персонажи, разделённые культурами, веками и даже реальностью своих существований. И чем необычней такое сопоставление, тем таинственней результат, тем острее и глубже получается метафора. Много лет художник был занят серией изображений синтетического жанра, объединяющего портреты, натюрморты и пейзажи, выполненные цветными карандашами. На листах бумаги большого формата встречались на странных рандеву японская поэтесса и Дюрер, Микельанджело и Наполеон, Дюма-отец и Шекспир... Моцарт, разглядывающий живую Джоконду, юная Пиковая Дама, обнимающая татуированного Пушкина...

Эту череду неслыханных знакомств охраняет и сдерживает вместе «великолепная сорокасемёрка» японских самураев в боевых позах. И – немыслимое мастерство художника, выписывающего в мельчайших деталях столь же невероятное окружение: прозрачные плоды и оплывающие свечи, летающие ленты и цветы.

Я рассматриваю новейшую картину Игоря Тюльпанова «Гости» (а точнее было бы «Гостьи»): взглядом испытываю жёсткость грановитого фона, статуарность поз, в которых замерли фигуры, цветы и предметы. Кое-где фон расступается, образуя проёмы, которые приглашают заглянуть внутрь, проникнуть сквозь пространство картины в какую-то небесную полость, где по прозрачным ярусам через открывшиеся ворота (или лазы) можно проникнуть в совсем иные миры, в их беспредельность и беспредметность. Но этот путь пока нам заказан. Предметный мир и его гравитация нас не отпускает, нас держит его обаяние и своеобразная «породистость» каждого из предметов или фигур. Это аристократы вещественного мира, такие как антикварные нецки или чашки тончайшего фарфора, которые странным образом могут соседствовать с коркой хлеба или сгоревшей спичкой. Их единит лишь истовость и тщательность мастерства, с которым они выписаны.

Есть там и окошко в прошлое, где можно увидеть себя молодым,

есть и домашние звери: очеловеченный кот и заслуженный чистяга пёс. Есть остановленные часы и пять гостей, одна краше другой (может быть, это ипостаси прекрасной Елены), кроме последней, шестой, странненькой. Но и она принарядилась. Это, наверное, та, что входит без стука и приглашения, та завершающая земную жизнь гостя, которую не принято называть по имени. Все они спокойны, безмятежны и неотмирны, кроме художника на автопортрете с лицом, искажённым страданием, и рукой, держащей в троеперстии тонкую кисть, как в приведённом стихотворении.

Их пять, и это сопоставимо с днями Страстной недели, предшествующими последней гостье. А потом, после неё – либо ничто, либо Воскресение.

Я был убеждён когда-то, что ближе всего к высоким истинам находится поэзия, ведь она орудует словом, а как известно «Слово было Бог». Но потом я подумал, только ли в буквах может быть выражено Слово? Разве гармонические звуки – это не знаки высшего смысла? А краски и линии разве не передают того же самого? И наоборот – можно ли живописные чудеса творить словесно? Если да, то уж никак не стальным пером и не гусиным. Чтобы достичь такого колорита, потребуется по крайней мере перо жар-птицыно или хотя бы павлинье, глядящее лазурным оком.

Но там, где цвет идёт на свет, на трепет,
пожалуй, даже кисть даёт отказ...
И только зоркое перо, кружась,
жизнь самоё на тех полях затеплит.

Тепло касаясь, пузырьковый мыс
листу на загрюнтованные степи
сквозь лона перепонки в полом стебле
передаёт, предписывает мысль.

Навершие парит, себя наведши
и плоское вперья око ввысь.
Здесь, как ни изумрудно изумись,
древнейшее становится новейшим,

расплывчато-лазоревым. Но пусть
любой из нас заплакан и не вечен.
Живём не мы, – немые наши вещи
Вбирают хищно опыт, вкус и пульс.

А чудо ангелического слога
и радужные звуки свежих уст,
и самобытие мазка, боюсь,
даются только за чертой итога.

Но этот минус перекрестят в плюс
перо и кисть щепоткою от Бога.

Игорь Тюльпанов, фрагмент картины «Гости».